

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан

Ассасин
Дэлл

Ирина Котова

Королевская кровь. Сорванный венец
Королевская кровь. Скрытое пламя

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла. Испытание ведьмой

Нина Бархат, Марина Багирова

Присвоенная

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади

Жанна Лебедева

Сиреневый черный. Гнев единорога

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

Вероника Мелан

Дэлл

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Мелан, В.

М47 Дэлл / Вероника Мелан. - Москва : Издательство АСТ, 2016. - 384 с. - (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-097300-2

Ночь. И военный нож, найденный в кювете, со странными цифрами над его поверхностью. Они похожи на... телефонный номер?

Позвонив по этому номеру, Меган Райз совершенно не ожидала, что получит в полное свое распоряжение высокого и красивого мужчину.

Дэлл Одриард готов исполнять любое желание владельца ножа, ведь это его персональное наказание — быть рабом до тех пор, пока хозяин не вернет ему нож по доброй воле.

Меган готова вернуть Дэллу нож. Но с одним условием...

ISBN 978-5-17-097300-2

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Мелан, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2016

Пролог

Лежать, уткнувшись лицом в мокрую траву, — неприятное ощущение. Лежать, уткнувшись лицом в траву, в грязном кювете, ночью, под дождем, когда по волосам и шее, пропитывая джинсовую куртку насквозь, стекает холодная вода, — ощущение отвратительное.

Сырая земля пахла корнями.

Стараясь успокоить свистящее дыхание, я закрыла глаза и зажмурилась, мечтая, как хамелеон, слиться с травой, а еще лучше провалиться в землю метра на полтора.

Успеется.

Топот приближался. Незнакомый мужской голос закричал, что «девчонка, должно быть, побежала в сторону парка» (куда же еще?), и преследователи — четверо неприглядного вида подвыпивших мужчин из соседнего бара, — оглядываясь по сторонам, на короткий миг притормозили напротив того места, где я скользнула сквозь кусты в кювет.

Если обнаружат — выволокут, пьяные гады, измучают тело и наплюют в душу.

Ну почему? Сколько раз зарекалась не ходить короткой дорогой мимо питейных заведений, где любая особа женского пола неизменно привлекает внимание. Тем более одинокая особа. Да, намокшие волосы, да, ни грамма косметики, да, худая как палка, и все равно ведь прицепились. Не учли только, что некоторых жизнь учила бегать быстро. Как раз для таких вот случаев.

Когда кусты затрещали совсем близко, я начала судорожно ощупывать землю в поисках какого-нибудь камня, а лучше булыжника, чтоб уж наверняка. Чтоб только не без боя. Но в траве, как назло, попадалась только мелкая грязная галька — такой разве что из рогатки в глаз. Ну хоть прут, хоть осколок стекла, хоть что-нибудь — канава ведь! Может, железка или палка...

Ладонь неожиданно наткнулась на что-то острое, заставив поморщиться от укусившей палец боли. Не обращая на нее внимания, я схватила холодный и скользкий от влаги предмет, приподняла голову и поднесла к глазам. Милостивый боже... Нож! Чей-то потерявшийся нож! Мокрый, покрытый грязью, но все еще бритвенно острый. Значит, есть на небесах тот, кто слышит! Окоченевшие от холода пальцы тут же стиснули рукоять ценной находки.

Только бы пронесло. Много раз уже пронесило. Только бы и теперь...

Мужики пошуршали кустами, поматерились, но в кювет лезть не рискнули — видимо, предположили, что и добыча не стала бы мараться на грязных обочинах. Порычали друг на друга и разбежались осматривать окрестные дворы и переулки.

Я выдохнула с облегчением и уткнулась лбом в землю.

Ступни онемели не то от холода, не то от напряжения, куртка разбухла и отяжелела, впитав в себя сотни дождевых капель.

Чертова жизнь.

Подниматься не хотелось. Заснуть бы здесь уже навеки — к утру проблем было бы меньше.

Пришлось сделать усилие, чтобы вновь поднять голову.

Если пробираться сначала канавами, а потом темными заброшенными переулками, вечно зыркавшими на одиноких путников злыми жадными глазами, то через сорок минут получится добраться до дома. Поганая окраина Солара — большого, красивого, сверкающего Солара

ра, что любит роскошь и пренебрежительно отворачивается от беспородного сброда, затерявшегося где-то там, подальше от глаз, в грязи и суете. Этот город-сказка, подобно ледяной бездушной королеве, любил богатых и презирал нищих. Не можешь выбраться наверх? Умри!

Я вздрогнула от холода, что пробрал до самых костей. Если сейчас же не согреться — простыну, а лечиться при отсутствии денег на еду и медикаменты проблематично.

Лезвие ножа чиркнуло о мелкий камешек, когда я поднялась на колени. Эту вещь лучше взять с собой — кто знает, что там впереди?

Дрожь всем телом, перевернулась, съехала до самого дна сточной канавы, скользя подошвами ботинок по траве, кое-как поднялась на ноги и зашлепала по текущей внизу мутной воде по направлению к дому.

Холодно. И до противного мокро.

Но бывало и хуже.

Часть первая

Глава 1

Дождь монотонно стучал по подоконнику; единственное в комнате окно покрылось мокрыми дорожками. Сырая, крохотная, полутемная и неуютная квартира неизменно пахла плесенью и нагоняла тоску. По крайней мере, она была, эта квартира, купленная еще в те далекие времена, когда существовал отряд «Кину», когда работа позволяла что-то накопить, когда жизнь была другой — не такой тоскливой, как теперь.

Давно. Как же давно...

Да, плохая однокомнатная квартира без ванной комнаты и кухни, расположенная в полуподвале, — не большое жизненное достижение, но все-таки какие-никакие, а четыре стены и крыша, укрывающая от непогоды. Спасибо, есть маленький туалет и квадратная металлическая раковина в углу; на месте зеркала лишь потемневшая штукатурка — жаль, но ведь зеркало не главное.

Я лежала в темноте, закрыв глаза, на жесткой скрипучей кровати с тонким протертым матрасом и слушала перестук капель, тщетно пытаюсь отогреться под тонким одеялом. Болело ушибленное колено, пульсировал на пальце порез. Вновь навалилась усталость и удушающая, ноющая безысходность.

Еще один прожитый день в раю... На сколько меня хватит?

Хорошо бы встать, помыть голову и промыть рану, но для этого придется греть на единственной плитке старый почерневший чайник, тратить электричество, а в конце месяца искать деньги на его оплату. Проще завтра, при свете дня, а сейчас бы согреться и поесть, но ни первое, ни второе неосуществимо. Приземистый дребезжащий холодильник, оставшийся от прежних хозяев,

пуст, а надвигающаяся ночь вытянет из продуваемой халупы остатки тепла. Отопления нет. Накопить бы когда-нибудь на второе одеяло...

Медленный вдох. Выдох.

Завтра, когда обрюзгший Тони заплатит за сегодняшнюю вылазку, можно будет купить хлеба и сыра. Если не прикарманил половину выручки, то, возможно, останется на пачку чая и пару булочек — это временно заглушит терзающую желудок боль.

Шум дождя усилился.

За окном серела бетонная стена, окаймлявшая лестницу в полуподвал.

Вот и прошел еще один день, один день на опустылевшем тринадцатом Уровне.

Почтовый ящик, криво прибитый к деревянной входной двери, оказался пуст. Когда же придет разрешение о переходе на четырнадцатый?

Что вам нужно, гадам в серебристой форме, чтобы дать зеленый сигнал? Уже три года здесь... сколько еще?

Поговаривали, что на четырнадцатом хорошо. Другие города, чистые уютные улицы, меньше преступности, люди добрее. Правда ли? Жизнь не должна быть такой собачьей, по крайней мере, не у всех. Повезло тем, живущим в небоскребах из белого стекла на центральных проспектах Солара: в их квартирах красиво и тепло, там не нужно пересекать комнату на цыпочках и в три прыжка, лишь бы не отморозить ступни, — полы их апартаментов устилают ковры.

Сон тщетно силился сморить утомленное сознание — мешала продрогшая физическая оболочка и нытье в порезанном пальце.

Придется все-таки встать, обработать рану и вскипятить чай, иначе не уснуть. Я вздохнула, пытаюсь перебороть вселенскую усталость, — *зачем я здесь... для чего... кому нужна такая жизнь?* — откинула одеяло и поднялась с постели.

Аптека на углу оказалась закрыта, и пластиковая белая коробка, стоящая в тумбе, этим вечером не пополнилась новыми запасами медикаментов. В истрепанной бумажной упаковке нашлась последняя таблетка перекиси, я бросила ее на дно стакана с водой. Не зажигая свет, прошла до туалета, набрала в чайник воды, вернулась, поставила на маленькую плитку. Застыла у испещренного неровными потеками окна, глядя на сочившееся влагой тяжелое черное небо.

Темно, тихо, пусто. Сплошная усталость в душе и голод — бесконечные спутники обреченного на жалкое существование человека.

Бывали времена и получше.

Когда таблетка в стакане растворилась, я наконец включила свет. Закатала мокрые джинсы (холодно в них и еще холоднее без них), осмотрела расплывшийся на ноге синяк — колено я ударила после того, как вскрыла дверной замок и дала деру, позволив остальным орудовать в доме без меня, задела им о бетонный парапет, перепрыгивая. Ничего. Заживет.

Теперь порез...

Рана оказалась достаточно глубокой и до сих пор кровоточила; я сунула палец в стакан и поморщилась — хорошее, должно быть, лезвие у того ножа, если от одного касания вот так. Жидкость в стакане окрасилась в розовый.

Когда люди говорят «день не задался с самого утра», они чаще всего имеют в виду непрозвонивший будильник, пролитый кофе, порвавшиеся колготки, нежелательный звонок на мобильный или пробки по пути на работу. У меня не было ни будильника, ни кофе, ни колготок, ни машины, ни даже нормальной работы. Мобильник был: старый, с треснувшим экраном и заедающими кнопками; он же служил и будильником. Машину пришлось продать несколько месяцев назад, сразу после аварии, кофе я в последний раз пила у Саймона в гостях (*две? три недели назад?*), колготки вообще не использовала — зачем, если нет ни платьев, ни того, с кем хо-

дить на свидания, а специфика работы требовала лишь неприметной и удобной одежды в гардеробе? Косметика, колготки, фены, бигуди — подобные вещи нужны женщинам, ведущим нормальный образ жизни, а не локе-рам, которые официально числятся на должности секретаря, а на деле выполняют разовые нелегальные заказы по вскрытию замков.

Я поджала губы.

Мой день считался удавшимся, когда в желудок попадала хоть какая-то еда, на теле вечером оказывалось меньше трех ран, а за окном стояло тепло, что позволяло заснуть, не лязгая от холода зубами.

Все, хватит сантиментов: чай и в постель. Еще одна ночь, еще один день, такой же бесполезный, как и предыдущий. Завтра к Тони на поклон, после работы в офисе — аптека и магазин. А вечером в почтовом ящике, может быть, появится заветная бумага о разрешении перехода.

Надейся.

«А на что еще надеяться?» — огрызнулась я самой себе.

К тому моменту, когда перестал кровить палец, чайник согрелся. В крохотном облупившемся шкафчике, прибитом к стене над плиткой, нашлась пачка чая с тремя пакетиками — один тут же отправился в кипяток. Вот оно, драгоценное тепло. Желудок обиженно буркнул.

Да, не еда. Еда будет завтра.

Первый глоток немилосердно обжег горло, пришлось добавить в кружку холодной воды из бутылки.

За окном не на шутку разбушевалась непогода. Лило как из ведра: стекло жестко хлестали дождевые струи. Палец болел не так сильно; я еще раз посмотрела на порез и вдруг вспомнила о ноже, оставленном на полу у порога. Надо бы взглянуть на него поближе, сгодится ли в повседневной работе? Если нет, всегда можно оставить дома или подарить.

Нож нашелся на прежнем месте — справа от мокрых ботинок (*черт, не просохнут до завтра...*); я нагнулась и взяла его в руки. Тяжелый, средней величины, с отфор-

мованной под пальцы рукоятью, широким недлинным лезвием. Наверное, военный. Хорошая находка; с назначением можно определиться позднее, сейчас — отмыть: серебристый металл едва просматривался под слоем грязи и налипшей травы.

Я вздохнула — сегодня свет в квартире горел неприлично долго (*снова распухнет счет за электричество*) — и отправилась в туалет, к раковине.

Вот уже несколько минут я, не отрываясь, смотрела на лезвие, начисто забыв о зажженном свете и голоде.

Нож.

Он был бы обычным ножом, если бы не одна маленькая деталь — телефонный номер на его поверхности. Точнее, *над* его поверхностью. Стоило повернуть лезвие немного вбок, как цифры вспыхивали и гасли, отчетливые и различные.

Голограмма.

Голограмм в своей жизни я знала несколько видов: на дорогих рекламных щитах, упаковках запрещенных медицинских препаратов и Комиссионных печатях. Кто, а главное, для чего мог создать такую над лезвием обычного ножа? Ну, хорошо, пусть не обычного, а тяжелого, красивого, в чем-то уникального, но *ножа*.

Загадочная находка, которую я, отмыв, сначала тщательно изучила с помощью увеличительного стекла, теперь лежала на кровати, молча храня свои секреты. То, что ряд вспыхивающих цифр над поверхностью не являлся ни шифром, ни комбинацией к сейфу, я поняла с первого взгляда: во-первых, настолько важную информацию никто не стал бы помещать в виде голограммы на подобный предмет, а во-вторых, за долгие годы работы с электронными замками я научилась распознавать кодированные данные. Нет, скорее, это был номер. Телефонный номер. Вот только зачем его нанесли на нож?

Время — одиннадцать вечера. По окну барабанили капли, чай был давно выпит, самое время лечь спать,

а я все сидела на мягкой постели, ощущая, как вверх по позвоночнику пробирается холодок.

Когда-то друзья из «Кину» научили меня работать с замками (*благослови небо их ушедшие души*) и теперь наверняка были бы разочарованы, узнай, на что именно я в последнее время растрчивала талант; видит бог, они были бы правы. Работать спасателем — совсем не то же самое, что работать воров. Вот только один принцип, став профессиональным локером, я не нарушала никогда — не брала чужого. Открывала двери? Да. Иногда даже сейфы. Но ни разу я не присвоила себе чужой вещи — на то был жесткий моральный запрет, удерживающий от падения на самое дно, спасающий остатки потрепанного самоуважения. В домах всегда работали другие, они же решали, что взять, а что оставить. Моя работа заканчивалась в тот самый момент, когда раздавался заветный щелчок (или писк, или сигнал), означающий, что проход открыт. Все. В этот самый момент я уносила ноги. Иногда целые, иногда расцарапанные, в синяках или порезах. Деньги за работу забирала у Тони, но только то, что мне причиталось за вскрытые замки, — никогда процент от потенциальной суммарной стоимости украденных вещей.

А теперь на моей кровати лежала чужая вещь, чуть ли не именная, и это напрягало. Такую невозможно было потерять по случайности или выбросить, за такой хозяин бы зорко следил, возможно, поставил бы внутрь маячок. А если так, значит, скоро в мою дверь могут постучать. Хотя... Нож не один день пролежал в канаве — это стало ясно при близком осмотре, — а хозяин за ним так и не вернулся. Значит, маячка нет.

Мысли путались.

Чтобы отвлечься, я встала с постели, стянула с ног сырые джинсы и повесила их на спинку стула, затем во второй раз за вечер поставила греться чайник. Вернулась на кровать, замотала ноги в одеяло.

Итак, что мы имеем?

Потерянную ценную вещь, которая кому-то была дорога, и телефонный номер ее владельца.

Возможно, не существующий более...

Возможно. Но если номер окажется действующим, хозяин может очень обрадоваться, узнав, что нож найден.

Обрадоваться настолько, что вознаградит за честность?

Или разозлится и надает по шее.

Ну, к последнему не привыкать...

Внутри против воли затеплилась надежда: вдруг, если позвонить, он (она?)... нет, скорее всего он, почувствовав прилив благодарности, даст, ну, пусть не тысячу или даже не сотню долларов, но хотя бы пятьдесят? Даже двадцать... Магазин на углу открыт до утра. Там есть сыр, хлеб, мясная нарезка, сок... шоколад.

Рот наполнился слюной.

Внутри тут же высунула личико маленькая Меган — ее обнадежило слово «шоколад».

Не смей надеяться.

Она обиженно почмокала губами и скрылась из поля зрения. Ей, мелкой, было все равно, что я, взрослая Меган Райз, должна, несмотря на трудности, оставаться рассудительной, логичной, уметь терпеть лишения и где-то постоянно (непонятно из чего) черпать силы на то, чтобы жить дальше.

Кроха, ты маленькая мечтательница. До сих пор веришь в доброту, в заботу, в сказки. Хочешь красивую квартиру вместо этой промозглой дыры, любишь смотреть на далекий ночной Солар и представлять себя живущей там, где тепло, где любят... Да, любят и понимают.

Я бы обняла ее, если бы могла, утешила бы, сказала, что все еще придет однажды, обязательно придет, но маленькая Меган уже ушла в недра сознания.

Стало грустно. Взгляд снова упал на нож; чайник на плите закипел. Рассерженно буркнул желудок — хоть бы кусок плесневого батона к чаю, но откуда? Если только позвонить... Позвонить по странному номеру, переливающимся на лезвии.

Но ведь на дворе почти ночь?

Ночь, которую придется провести в голодных судорогах, если не попробовать.

Что, действительно? Звонить непонятно кому и пытаться объяснить, что ко мне в руки по ошибке попал чужой предмет?

Я вздохнула, прижалась затылком к холодной стене и закрыла глаза.

Бездействие еще никогда не помогало выжить, а вот действие... Да, оно порой подводило под риск и заканчивалось плачевно, но изредка все же приносило доход, способный обернуться куском колбасы или сыра.

Я выругалась вслух.

И это на ночь-то глядя. Свихнулась я, должно быть, уже... Не хватало, чтобы меня еще и побили за кражу.

Одеяло резко отлетело в сторону. Стуча зубами теперь уже не только от холода, но и от волнения, я пересекла комнату, выключила плиту и застыла у стола, собираясь с силами. Ладно, пью чай, потом звоню.

И будь что будет.

* * *

Как сердце узнаёт, когда начинать бешено колотиться? Подумаешь, телефонная трубка в руках... Ведь ни единая цифра еще не набрана, всегда можно отступить — тогда зачем так стучать, как будто мир через секунду рухнет?

Ладони тоже дрожали.

Совсем нервы ни к черту.

Нож рядом, телефон в ожидании, пальцы медленно обводят плоские черные кнопки, не решаясь нажать.

Все, поехали. Если не сейчас, то уже никогда.

Ежесекундно сверяясь с голограммой, я принялась набирать номер — первый пик, пауза, еще два, снова пауза... восемь, девять, четыре, три, двадцать два, триста сорок пять. Когда раздался первый длинный гудок,